

В «Преступлении и наказании» Раскольникова (и больше никого у Достоевского) называют «выжигой»:

«— Выжига! — крикнула баба. — Да чего с ним толковать, — крикнул другой дворник, огромный мужик, в армяке нараспашку и с ключами за поясом. — Пшол!.. И впрямь выжига... Пшол! <...> — Нечего связываться, — решил большой дворник. — Как есть выжига! Сам на то лезет, известно, а свяжись, не развяжешься... Знаем!» [8. Т. 6. С. 135].

«Выжига» в словаре В.И. Даля — ‘ухорез, пройдоха, опытный и бывалый мошенник’, изначально — человек, разграблявший могилы чиновников ради расшитых золотом мундиров, то есть добывающий золото путем сжигания украденной или даже снятой с трупа одежды. Таким образом, в контексте преступления Раскольникова происходит совмещение этимологического значения этого слова и его употребления в бранной функции.

Особую метатекстовую, то есть тесным образом соотносимую с ситуацией общения, функцию выполняет в романе «Преступление и наказание» слово «подлец»:

«[Мармеладов] Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает!» — Он задумался. — Ну а коли я соврал, — воскликнул он вдруг невольно, — коли действительно не подлец человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное все — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..» [Там же. С. 25]; «[Раскольников] “Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подлом называет”, — прибавил он через минуту» [Там же. С. 123]; «[Порфирий Петрович Раскольникову] Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец. Совсем не такой подлец!» [Там же. С. 351]; «[Раскольников] О, я знал, что я подлец, когда я сегодня, на рассвете, стоял над Невой!» [Там же. С. 401].

Скрытое этимологическое значение этого слова — ‘человек из простонародья’, то есть ‘подчиняющийся’, имплицитно присутствует и в этом случае. В собственно бранном, оскорбляющем другого, значении «подлец» в «Преступлении и наказании» не используется, чего нельзя сказать о других текстах писателя (всего слово «подлец» в текстах полного собрания произведений Достоевского употребляется 396 раз: 347 в художественной прозе, 17 — в публицистике, 32 — в письмах).

В «Подростке» Аркадием Долгоруким осмысляется «роковое словцо» «безобразный», которое само по себе не является бранным, но входит в одно словообразовательное гнездо с «безобразник» и используется в тексте романа в составе сложного слова «мерзавцы-безобразники»:

«[Макар Иванович] Безбожника-то я совсем не встречал ни разу, а встречал вместо его суетливого — вот как лучше объявить его надо. Всякие это люди; не сообразишь, какие люди; и большие и малые, и глупые